

УДК 340

М. К. Цховребова

кандидат юридических наук

З. М. Бурнацева

кандидат педагогических наук

М. М. Бетеева

кандидат исторических наук

Горский государственный аграрный университет,

г. Владикавказ, Россия

ИЗ ИСТОРИИ СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ ОСЕТИН

[*Tskhovrebova M.Kh., Burnatseva Z.M., Beteeva M.M.*

From the history of court procedure in common law of Ossetians]

An analysis of the legal institution of the court and customary law is carried out aiming at regulating the relationship of the Ossetian community. Normally, the legal court of Ossetians can be characterized as an intermediary, which corresponded to the nature of the territorial and community device of Ossetians. By comparison and analysis concluded that the hallmarks of court mediation, as opposed to the trial were the following signs: mediation was used only on the basis of voluntary consent of the parties, the parties had the right to choose a mediator, mediation is confidential and was not of a formal nature. The main function of the Ossetian court is to mediate between the warring parties, reconciliation of blood feud and the establishment of compensation for damages, especially in cases of blood, where revenge often gave way to financial compensation for blood.

Key words: customary law, Ossetians, mediation, mediator, vendetta, taerhon, taerhony, laegtae, oath.

В общественной жизни осетин долгое время сохранялись пережитки родового строя, поэтому и судопроизводство основывалось на законах (адатах), сложившихся в древности. Такие вопросы, как борьба между семьями (дворами, патронимиями, фамилиями), конфликты, связанные с землевладением и землепользованием, кровной мстью и др. в Осетии разрешались на народных сходах – *ныхасах* (так называлось и место, где происходили сельские собрания). Главная функция *ныхаса*, состоявшего из взрослого мужского населения общины, заключалась в урегулировании споров.

«В обществе, устроенном на точном основании патриархального начала, – писал Пфафф, – нет места учреждению особенных органов для суда и расправы. В семье судьей является отец, во дворе – старшина двора, в роде – родовой старшина. Эти судьи зависят в большей или меньшей степени от ныхаса и стариков, имеющих в нем преобладающий голос. В подобном первобытном суде дела разбираются и решаются на точном основании древних родовых обычаев без всяких формальностей и определенных правил судопроизводства»[6, с. 207].

Впоследствии в решении спорных вопросов начали принимать участие не все старшие мужчины фамилий, а лишь избранные судьи (медиаторы), выполнявшие свои функции во время медиации (способ урегулирования спора посредством участия третьего независимого беспристрастного лица-медиатора). По-осетински суд – *таерхон*, а судьи – *таерхоны лаегтае*. Ими могли стать мужчины не моложе 50 – 60 лет, известные своей мудростью, честностью, беспристрастностью, знанием народных обычаев и пользующиеся уважением. С возникновением феодальных отношений в Осетии, медиаторами стали избираться лица только из правящего алдарского сословия. Они пользовались неограниченными полномочиями медиаторов и их приговор имел безапелляционный характер.

А.А. Арутюнян дает следующее определение посредника (медиатора) – как лица, участвующего в разрешении конфликта «между лицом, совершившим противоправное деяние, и лицом, которому противоправным деянием был причинен вред, с целью примирения сторон и нахождения взаимоприемлемого решения по вопросам возмещения вреда, причиненного противоправным деянием, а также по иным вопросам... на основе добровольного волеизъявления сторон, и которая может повлечь юридические последствия для сторон...» [1, с.12].

В качестве отличительных признаков медиации от судебного процесса можно отметить: посредничество применяется только на основе добровольного согласия сторон, у сторон есть право выбора посредника, медиация конфиденциальна и не носит формализованный характер, краткие сроки, оперативность, решение принимается самими сторонами с участием третьего лица и исполняется сразу.

Кандидатуры *таерхоны лаегтае* предлагались истцом и ответчиком. До выбора медиаторов обе стороны конфликта собирались со своими родственниками где-нибудь под открытым небом на определенном расстоянии друг от друга, чтобы их разговор не был слышен противной стороне. Для передачи

предложений от ответчика истцу и обратно выбирались посредники (*минаевар лаегтае*) из посторонних почетных людей от 1 до 5 человек, в зависимости от тяжести совершенного преступления, и лишь после того, как обе стороны соглашались подчиниться решению суда, приступали к рассмотрению дела.

В осетинском суде *таерхоны лаегтае* было обычно три человека, из которых двое были со стороны истца. При разбирательстве важных дел, например, в случае убийства или же когда тяжбу вели целые фамилии, число *таерхоны лаегтае* увеличивалось, но и тут сторона истца имела на одного судью больше, чем сторона обидчика, причем, каждая из сторон выбирала судей из своей среды.

В основу судебного решения *таерхоны лаегтае* была положена оценка самого факта спора, конфликта или правонарушения, ставшего объектом судебного разбирательства, а не собранные по делу доказательства – допрос сторон и их свидетелей, привлечение косвенных улик. Дополнением к очевидному факту служило заявление потерпевшей стороны.

Признание судьями виновности ответчика на основе косвенных улик и свидетельских показаний могло вызвать недовольство осужденного позицией и ролью медиаторов, что грозило перерасти в кровную месть. Судьи, которые в значительной степени полагались на собственный опыт и убежденность в виновности или невинности ответчика, могли обратить на себя месть недовольной стороны, лишиться себя доверия общества, приняв необъективное или ошибочное решение, поэтому им приходилось действовать с осторожностью и предусмотрительностью, стараясь достичь наиболее верного и справедливого решения.

По сообщению А.С. Гакстгаузена, «каждая сторона выбирает трех глав семейств не в близком с ними родстве, а эти шесть выбирают седьмого – председателя. Суд торжественным обещанием обязывает обе стороны в том, что они подчинятся его приговору, для чего от каждой стороны должны быть представлены по три поручителя. Суд вбивает в землю шест – символический знак, что стороны строго должны держаться договора» [3, с. 88].

После того, как стороны через посредников сообщали друг другу кого выбрали в судьи и что они согласны с выбором, судьи приступали к разбирательству дела.

В качестве места судопроизводства в Осетии использовались кладбища и дзуары, что объясняется опасением обманывать, лгать в сакральных местах. «Характерной чертой древнего суда таерхоны лаегов, – пишет Н.С. Мансу-

ров, – было обстоятельство, что этот суд выслушивал тяжущихся, совершал процесс судебного разбирательства и произносил приговоры непременно на кладбищах или же, в крайнем случае, в капищах фамильных святых – «дзуарах», что вызывалась боязнью осетин говорить неправду в присутствии почивших предков или дзуаров, слепое поклонение которым представляло главную и необходимую принадлежность осетинских верований» [5, с. 2].

В своих действиях осетинский суд руководствовался только адатами, вследствие отсутствия письменных кодексов и законов. «Адат, – пишет Г. Т. Лиахвели, – это правило, норма, имеющая силу обычая: норма издавна, очевидно, под влиянием исторических обстоятельств, зародившаяся в народе и затем освещенная веками, совершенно укоренившаяся. Таких адатов не очень много, их должен был знать каждый заседатель древнеосетинского суда и по ним решать дело, только в делах не очень важных действовали собственный опыт и распорядительность таерхоны лаегтае» [4, с.36].

Для обнаружения виновника народный суд давал право потерпевшему прибегнуть к помощи свидетелей, которые делились на доказчиков (комдзог) и просто свидетелей (аевдисаен). Комдзог был обязан доказывать виновность обвиняемого. Он был публичным обвинителем. Другие же свидетели (аевдисаентае) по преимуществу представляли косвенные улики.

Комдзог в народе всегда пользовался дурною славой. «Ремесло доказчика у осетин, – писал Пфафф, – презренное дело... В коренном осетинском и вообще патриархальном процессе доказательство через свидетелей, в сравнении с другими доказательствами, имеет весьма второстепенное значение. Поэтому в патриархальном быте нет места для следственного судопроизводства, преимущественно на свидетельских показаниях... Предвидя необходимость дать на суде свидетельское показание, скорее уезжают из своего аула и проводят некоторое время в гостях у знакомых до тех пор пока дело не окончено» [6, с. 208].

В тех случаях, когда показаний комдзога и аевдисаена было недостаточно, суд назначал ответчику присягу (ард). «В юридической жизни осетин, – пишет, Д.З. Шанаев, – присяга (ард) занимает одно из самых видных мест в ряду тех действий, совокупность которых составляет собственно обычное право осетин» [7, с.37].

Присяга была доказательством, средством судебной защиты, возможностью оправдаться на суде. «Цель этого обряда как судебного доказа-

тельства – устранение спора» [8, с.37]. Присяга произносилась в присутствии 2 – 3 ближайших родственников, которые в свою очередь, должны были поручиться за присягу ответчика.

«До выполнения присяги, – пишет Пфафф, – родственники, зная, какую они берут на себя ответственность за обвиняемого, в кругу семейств рода и в совете стариков тщательно и во всех подробностях исследуют все дело, если находят своего родственника невиновным и если вообще подсудимый заслужил себе уважение в кругу своего семейства и рода, то смело берут на себя эту тяжелую присягу. Каждый опасался дать фальшивую присягу, чтобы не потерять доверие и уважение общества» [6, с. 214].

Принятие присяги ответчиком и его родственниками (присяжниками) оправдывало его по суду. В свою очередь, принятие присяги обвинителем осуждало ответчика и он должен был удовлетворить требования пострадавшего по решению суда.

«Принятие или непринятие присяги столько же зависит от самого обвиняемого, сколько и от его присяжников, если они назначались ему. Стоило одному или двум из присяжников отказаться от присяги, не принять ее в оправдание обвиняемого, «не съесть присягу», как выражаются осетины, чтобы присяга считалась «непринятою несъеденною» и чтобы тем заставить отвечать ответчика как обвиняемого... В важных делах (в делах по убийству, кровных, изнасилованию, крупные кражи и т.п.) о дне и месте присяги оповещались родные и знакомые как потерпевшего, так и присягоприимца, которые сходились к назначенному месту в полном вооружении. Обе стороны становились в отдалении от места клятвы, одни с одной стороны, другие с другой. Посередине становились посторонние, в обязанность которых входило обезоружить родственников обеих сторон. Эти же люди были и свидетелями принятия присяги, они устраняли возможные столкновения между сторонами в случае каких-либо недоразумений относительно присяги. Затем выступал потерпевший, а за ним присягоприимец со своими присяжниками. Становились перед дзуаром с палкой в руках или со снятой с головы шапкой. По направлению дзуара торжественно и громко произносили клятву его именем. После этого присягоприимец бросал вперед палочку, которую держал в руке. Палочка служила, по народному понятию, присягоприимцу средством отвода страшных последствий присяги от себя и своих ближних;

полагали, что присяга обращалась к палочке. По принятии присяги обвиняемым все многочисленное собрание, оставив его на месте, поспешно удалялось оттуда и расходилось по домам. На протяжении двух недель после этого они старались не встречаться с присягнувшим, ибо он по убеждению осетин обращает силу ложной присяги не только против себя и своих ближних, но и против каждого члена общества, который первый встретится с ним по принятии ложной присяги» [7, с. 6].

Присяги бывали двух видов: а) положительная присяга – произнесение клятвы именем народных божеств и святых в широком смысле слова; б) фыд-каенд – посвящение покойникам гадов и падали. Нарушитель клятвы боялся того, что дзуар может наказать его. Для замаливания брали пиво, три пирога с сыром и отправлялись в соседнюю рощу, где в тиши произносили молитву: «Недостойный раб твой не выполнил долга, который дан ему фыдаелтае (предками), и недостойными устами осквернил святое имя твое, нарушив клятву; поэтому не вмени это ему во грех и прими в жертву пироги и мысайнаг (нитки из шелка, которыми обвертываются деревья святой рощи)». После этой краткой молитвы яства съедались, а ответчик возвращался домой, считая себя уже свободным и неподлежащим божьему гневу.

У осетин существовала и присяга именем Бога (Хуыцау), но поскольку христианство в те времена не укоренилось в Осетии, присяга Богу не получила широкого распространения.

К первому роду присяги относилась и присяга убитым, которая состояла в следующем. Лицо, подозреваемое в убийстве, при многочисленном стечении народа один или в сопровождении соприсяжников должен был явиться на могилу убитого, взяться за его памятник одной рукой и произнести: «Покойник! Если я чем-либо причастен в твоём убийстве, да буду тебе конем на том свете». После этого он три раза обходил могилу покойника. Клятву эту называли самопосвящение (хифаелдисаен). Чтобы сделать такую присягу более трудной, присягоприимцу надевали на шею кишку животного с кровью, называвшуюся красной кишкой и, водя его вокруг могилы кололи кишку кинжалами, чтобы из нее текла кровь, заставляли произносить ту же фразу.

«Важное место в судопроизводстве осетин, – пишет Г.Т. Лиахвели, – занимает проклятие (анафема, по-осетински "фаелдисын"). Оно состоит в том, что обвиняемый берет палку, втыкает ее в землю и, накрывши ее своею па-

пахую гласно произносит: «Да буду я фаелдыст (посвящен самому позорнейшему из мертвых), если я совершил такое-то дело. Да сделаюсь конем на том свете кому-либо, если я виновен!» [4, с. 6]. Фаелдыст признавался самым достоверным средством оправдания.

Во многих местах Осетии существовала еще более тяжкая клятва. Подозреваемому в совершении тяжкого преступления верили при клятве: «да сделаюсь я конем такого то умершего», и заставляли клясться «да сделаюсь я цыфтаераенбаех» (конем для езды по грязи). Это самый важный вид клятвы, перейти которую ни в коем случае нельзя было. Нарушителю клятвы связывали руки и наливали на голову воду, торжественно предавая его проклятию (фаелдисаен) со словами: «сделайся конем усопших родственников твоих на том свете».

Самой страшной считалась клятва, данная в лаузгаенаен (один из праздников поминовения усопших). Этот праздник являлся настолько важным, что все сомнительные (нерешенные) дела откладывали до лаузгаенаена, когда уличаемый присягал в своей невиновности и освобождался от всякого подозрения. В лаузгаенаен собираются все жители аула для поминок на кладбище. Там, «в присутствии живых и мертвых» тот, кто подозревает кого-либо из присутствующих в краже его вещи, либо убийстве его родственника, подводит подозреваемого к могиле покойного и заставляет его поклясться в своей невиновности. Тот клянется, объявляя, что не виноват, или если виноват и солжет, то да будет он и все его семейство рабами убитого на том свете, за клятвopеcтупление.

Второй род присяги – фыдкаенд – посвящение покойным родственникам подозреваемого лица разных гадостей. Память покойников для всякого осетина была святой, и посвящение скверных животных покойникам считалось надругательством над ними. Фыдкаенд проходил следующим образом: потерпевший на публичном месте, при стечении народа, на вколоченный в землю кол вешал кошек или собак и расстреливал, посвящая их покойникам вора, который во избежание такого позора признавался в преступлении.

Для прекращения вражды и заключения перемирия врагам предлагали свои услуги в качестве посредников представители двух других сильных фамилий («стыр мыггаг» или «тыхджын мыггаг»). В случае нарушения договора о перемирии поручители должны были выдать лучшего из своей фамилии тем, за неприкосновенность которых они ручались, в противном случае потерпевшие имели право резать собаку (осквернить) на их фамильном склепе.

Неисполнение приговора суда, нарушение присяги настраивало всю общину против ответчика и влекло его изгнание. Вполне понятно, что этих мер было достаточно, чтобы обеспечить исполнение приговора. В качестве судьи теперь выступала вся община в лице ее собрания – ныхаса. Поэтому, зная, что ждет ответчика, приговоренное общинным судом лицо вынуждено было подчиниться его решениям.

Можно заключить, что основной функцией осетинского суда являлось посредничество между враждовавшими сторонами, примирение кровников, а вместе с этим и установление размеров компенсации за причиненный ущерб, особенно в делах кровных, где месть чаще всего уступала место материальному возмещению крови.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнян А.А.* Медиация в уголовном процессе // Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2012.
2. *Бетеева М.М., Цховребова М.К., Пфаф В. Б.* К вопросу брачно-семейных отношений по обычному праву осетин // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 6.
3. *Гакстгаузен А.С.* Закавказский край. Часть II. СПб, 1857.
4. *Лиахвели Г.Т.* Древний осетинский суд // Юридическое обозрение. Тифлис, 1886.
5. *Мансуров Н.С.* Обычный суд у осетин // Газета «Каспий», 1894. № 38.
6. *Пфафф В.Б.* Народное право осетин // Периодическая печать Кавказ об Осетии и осетинах. Книга 7. Сост. Л.А. Чибиров. Владикавказ, 2014.
7. *Шанаев Дз.* Присяга по обычному праву осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873.
8. [Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона](http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/113372) //dic.academic.ru»dic.nsf/brokgauz_efron/113372

REFERENCES

1. *Harutyunyan A.* Mediation in the criminal process // Author. Dis. cand. jurid. Sciences. M., 2012.
2. *Beteeva M.M., Tskhovrebov M.K., Pfaffian V.B.* On the issue of marriage and family relations-tions under customary law Ossetians // Humanities and social and economic sciences. 2014. № 6.
3. *Haxthausen A.* Transcaucasian region. Part II. St. Petersburg, 1857.
4. *Liahveli G.T.* Ancient Ossetian court // Legal Review. Tiflis, 1886.
5. *Mansurov N.* Ordinary court Ossetians // newspaper "Caspian», 1894. № 38.
6. Pfaff V.B. People's right to Ossetians // Periodicals Kavkazaz about Ossetia and Ossetians. Book 7. Comp. LA Chibirov. Vladikavkaz, 2014.
7. *Shana Dz.* Oath of customary law Ossetians // Collected information about the Caucasus-ray Highlanders. Tiflis, 1873.
8. Collegiate Dictionary FA Brockhaus and IA Ephron //dic.academic.ru>dic.nsf/brokgauz_efron/113372

19 марта 2015 г.
